

Конец одного романа

Рудьтупра. — 1995. — 19 авг. — с. 8.

Знакомое лицо

Елена СУНЮКОВА

— Эта женщина, которую я играл в течение четырех лет, мне дорога. Я не кокетничаю и не кривляюсь, когда говорю, что у меня с ней роман. Это абсолютно живой и реальный человек. Когда я узнал, что хотят возобновить "Служанок", просто чтобы денежки заработать, взяв напрокат декорации в "Сатириконе", быстренько слепив спектакль, я понял, что не имею права по отношению к ней опускать планку. Нельзя опускаться во вчерашний день, нужно постоянно двигаться вперед.

И еще один момент. Есть все-таки огромная ответственность перед теми людьми, которые любят меня в этой роли и обязательно придут смотреть. Если хотя бы один из них скажет: а вот год назад было лучше — для меня это будет страшно. Потому что это не просто роль, это роль, меня сделавшая, роль, ставшая легендой. Может, лучше, как в спорте, вовремя уйти, чтобы не допустить уничтожения легенды проигрышем.

— Вы — актер прежде всего театальный, чем вы сейчас заняты в театре?

— Понимаете, тут довольно странная история. Я имею в виду театр Романа Виктюка. Костя Райкин в передаче "Час пик" назвал Виктюка режиссером единственного спектакля, имея в виду "Служанок". Это, конечно, грубо, немножко неверно, но в этом есть какая-то истина. Парадоксальным образом эта вершина возвышается над всем сделанным. Сейчас же он ставит либо советскую "чернуху" — пьесы Николая Коляды, либо обращается к привычной для себя итальянской драматургии. Я вижу скрытые или плохо скрытые, но повторы уже наработанных приемов — в работе с актерами, со светом, в подборе фонограмм.

В какой-то момент, два года назад, когда эти тревожные сигналы только-только появлялись, я начал проявлять самостоятельность и поставил спектакль "Коллекционер" по Джону Фаулзу. А в прошедшем сезоне начал самостоятельно возить этот спектакль по разным городам. Мы объехали 25 городов в России и зарубежье, сыграли около 60 спектаклей. Оказывается, есть масса городов, где очень сильны театральные традиции. И эта открытость эмоций, непосредственность реакции удивляют и радуют. Это интересно, потому что там отсутствует присущий Москве снобизм пресыщенности.

Работы довольно много, и, честно говоря, в какой-то момент просто понимаешь, что не нужно ничего ждать. Время уходит, годы уходят, и если судьба тебе не даст какого-то очередного шанса, то, может быть, потом придется менять профессию, не дай Бог. Я знаю массу примеров — моих однокурсников, которые вот так, ожидаючи, практически потеряли профессию.

— Вы сейчас много снимаетесь, расскажите об этих работах.

— Только что закончил работу у режиссера Владимира Мотыля в фильме "Роман над пропастью" по мотивам нескольких рассказов Чехова, хотя ситуация перенесена в наши дни.

На Студии Горького снимается "13-серийная лента по книге Николая Лескова "На ножах". У этой книги довольно странная судьба. Она была практически запрещена и до революции, и после нее. О ней не знали даже многие литературоведы. Я играю интелли-

Недавно театр Виктюка возобновил спектакль "Служанки", но в роли Мадам мы уже не увидели Сергея Виноградова. Как же актер мог расстаться с ролью, которая принесла ему безусловный успех?

гента, очень странного человека, который был немножко социалистом, немножко занимался политикой, а в итоге пришел к убийству. Сама роль комическая, но сквозь комизм есть выход на страшные темы, историю падения интеллигента...

Третья картина, — это "Графиня де Монсоро" по роману Дюма. У меня там небольшая роль — Келюса, ближайшего друга короля Франции, человека циничного, агрессивного и одновременно эстета.

— У писателя Марка Харитона есть теория, что уровень мечтаний выявляет уровень личности и суть человека. "Если б я была царица, — третья молвила девица, — я б для батюшки царя родила б богатыря"... Только "царское" желание может сделать царицей. Хотелось бы узнать ваш уровень претензий в искусстве, есть ли у вас "царское" желание?

— Я не ставлю себе цели, например, получить "Оскара" или съездить на Каннский фестиваль. Но могу сказать, что я очень жадный человек и мне многое хочется сделать. Создание собственного маленького коллектива — это тоже не самоцель. Мне не нужно иметь свой кабинет, свою труппу артистов и чтобы на афишах стояло мое имя — это все вещи достаточно призрачные. Но я хочу играть, хочу ставить, и понятно, что и то, и другое я смогу делать, только будучи сам хозяином своего дела. Мне интересно ставить и экспериментальные спектакли, и я уже заражен работой на большой зал.

Я начал заниматься всякими телевизионными работами, потому что хочу научиться снимать кино. На телевидении я учусь монтировать, мыслить кадром, ритмом уже не спектакля, а передачи.

Но для меня важно не потерять процесс мышления сценой, мышления теми средствами, которые существуют в театре как таковом, — игра, свет, звук, ритм. Это компоненты, которыми я могу воздействовать на зрителя, получая при этом собственное удовольствие.

У меня лежат два сценария для кино, Бог даст, я это когда-нибудь сделаю. Для меня это необходимость, как говорил Набоков, избавиться от идеи. Только выдавая продукт, я могу хоть немного успокаиваться.

— Возникают ли в связи с этим у вас проблемы в обычной жизни?

— К сожалению, я доставляю больше неудобств окружающим меня людям, потому что вечно занят, где-то мотаюсь, вечно чем-то обременен — идеями, замыслами, проблемами. Сложно со мной, понимаете.

А по поводу жизни я придумал довольно странную фразу, она немножко запутанная и заумная, хотя на самом деле абсолютно проста: "Я получаю удовольствие от жизни, только преодолевая неудовольствие, ею вызванное". Когда ты да глэд, да божья благодать, мне становится безумно скучно и тоскливо, но такое бывает очень редко, потому что проблем много и наваливается все больше и больше. С годами становишься все менее свободным, а чтобы стать свободным хоть на какое-то время, приходится от очень многого отказываться и со многим бороться.

— Для вас существует в искусстве проблема времени?

— Сейчас происходит смена поколений, везде — в актерском деле, в режиссерском. Вот Володя Машков получил премию как режиссер за лучший спектакль сезона — "Смертельный номер". Сейчас очень многое зависит от высказываний нашего поколения, людей, которым 30–35 лет. Потому что рано или поздно вся эта бодяга, которая существует в стране, это деление на богатых и бедных, это беспокойство, неуверенность в завтрашнем дне — все это пройдет или во что-то выльется, в лучшее или худшее, но какая-то стабилизация все-таки наступит. Что будет тогда с культурой, а значит, и с человеком? Это зависит именно от нашего поколения. Мы, тридцатилетние, воспитаны на очень странных вещах, на ироничном восприятии эпохи.

Но очень нужно, чтобы наше поколение преодолело циничное отношение к жизни. Теперь за нами важность каждого высказывания в искусстве. И сейчас мне страшно смотреть на тот слой тусовки, который сложился и был на гребне волны два года назад. Это клипмейкеры, которые как бы определяли лицо поколения. Тогда это было замечательно, такой новый глоток, нужно было показывать, что мы это тоже можем. Но сейчас ведь нужно идти дальше, нужно куда-то двигаться, а многие занимаются тем же самым, буксуют на месте. А клипы — опасная вещь для художника. Клип предполагает очень быстрое, очень дешевое в смысле вложений получение и денег и известности, и рекламы, и места в тусовке. Это развращает, потому что пока еще люди не замечают этой остановки, пробуксовки, но рано или поздно это будет заметно. На кого тогда будут ориентироваться художественные круги?

Нас мало, но, как ни странно, и сейчас идет такая "текучка кадров". Я окончил Щукинское училище в 1989 году, и из 30 человек нашего курса сейчас в театре работают единицы. Куда делись остальные? Я знаю, что 14 человек — за границей, а другие как-то растеклись по фирмам, офисам, массажным кабинетам.

— Бывают ли у вас периоды отчаяния, неверия в себя?

— Да, бывают, бывают...

Раньше это было чаще, сейчас реже. Выручает моя природа, по гороскопу я — Близнец. С одной стороны, Близнецам присущи расколотовость, разбросанность, а с другой — легче, потому что я никогда не кладу все яйца в одну корзину. Если корзинок пять и одна упала, это приводит к отчаянию, но остальные-то корзинки остались, тогда ты принимаешься за серьезную работу с другими корзинками.

— Считаете ли вы себя сложившимся человеком?

— Как ни странно, еще нет. Я меняюсь очень сильно, по взглядам на мир, на профессию. Мне не хватает одной вещи, которая слишком поздно ко мне приходит. Мне не хватает жесткости, умения говорить "нет". Наверное, когда я смогу, не принося боли людям, выговаривать это слово спокойно, глядя в глаза, тогда я смогу сказать, что состоялся как человек.